

Доктор Нонна

Мама, мамочка!

Часть сборника
Завидные женихи (сборник)

Житейские истории

Доктор Нонна
Мама, мамочка!

«ЭКСМО»

2011

Нонна Д.

Мама, мамочка! / Д. Нонна — «Эксмо», 2011 — (Житейские истории)

ISBN 978-5-699-48872-8

Что это за глупость такая, будто ни у кого нельзя одалживаться? Можно. Надо только постараться вовремя отдавать свои долги. И главное, почему бы не дать тем, кто тебя любит, хоть какой-нибудь шанс исправить ошибки? Раз о любви так много говорят, значит, за нее имеет смысл бороться. Принципы, гордость и педагогика тут совершенно ни при чем. Окрыленная этим простеньким, в сущности, прозрением, Даша набирает отцовский номер. – Папа, – говорит она после того, как закончен обычный обмен вежливыми формальностями, – мне нужна твоя помощь.

ISBN 978-5-699-48872-8

© Нонна Д., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Света	7
1	7
2	14
3	18
4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Доктор Нонна

Мама, мамочка!

Настоящая любовь не только исцеляет и обновляет нас, она дает нам безопасность и ощущение, что мы божественные создания!
М. Шнеерсон

Пролог

– А ну-ка, девочки, приберитесь, давайте, давайте, не спать, сейчас обход начнется! Что вы тут всего накидали? – худенькая, вызывающе ярко покрашенная медсестра Даша врубила в еще спящей палате свет.

Пациентки в ответ заворочались, кто-то застонал тихонько. Они обычно засыпали только под утро, и то с трудом, но ведь это, честное слово, не Даша придумала поднимать их в такую рань. Узкие каблучки звонко зацокали дальше по коридору онкологического центра им. Блохина. Абсолютно, или, как еще уклончиво выражаются осторожные медики, *практически* здоровая Даша чувствовала себя в гинекологическом отделении, переполненном несчастными, бесцветными женщинами, не в своей тарелке и вела себя, увы, тоже не лучшим образом. Ежедневные операции, агрессивные методы лечения... На слух, и то ужас пробирает до костей, а надо быть рядом, внушать надежду безнадежным, поддерживать слабых, не подавать вида, как все это страшно. Страшно, потому что слишком часто одни серые лица сменяются другими. Потому что кругом запах смерти. «Каширка» и есть, в сущности, один этот запах, хоть ее оптимистически и называют центром борьбы за жизнь...

Мест не хватает. Пациенты прибывают ежедневно, со всей России. С единственной мольбой: ждать нельзя, спасите, пока не поздно! Время, их личное, родное, единственное, утекает сквозь пальцы, секунда за секундой. Они в испуге молят о помощи, предлагают последнее за койку, наркоз, анализы. Борьба за жизнь начинается не в операционной.

Второй год двадцатилетняя Даша ходит по этому коридору. Видит, слышит, нюхает смерть и страх. Что, если они заразны? Что, если и она когда-нибудь вот так же?.. И когда наступит это «когда-нибудь»? Скоро? Или позже? Может, уже наступило, а она просто не знает? И за что вообще человеку, тем более женщине, такие муки? Неужто за первородный грех?..

Она ходила в церковь, молилась, просила совета у батюшки, но тот, выслушав, сказал: – Много мудствуешь, не для того голова.

А для чего?

На этот вопрос батюшка не ответил. Велел самой думать. У него тоже очередь.

С тех пор Даша красится ярко, одевается не по-больничному, цокает по отделению неудобными каблуками, сбивая ноги. Защищается кричащими атрибутами сиюминутного бытия от пугающей вечности. Ее поругивают в ординаторской. Ворчат за спиной усталые пациентки. Таков, однако, ее ответ, личный, выстраданный, ее собственная борьба за жизнь.

«Уволюсь, к чертовой матери! – утешает она себя, приступая к обычной суровой работе. – Вот только Коля вернется, и тут же уволюсь!»

Так она говорит себе чуть ли не каждый день, но брат Коля, счастливчик Коля, при родительском разводе волею случая доставшийся отцу, тогда тоже нищему, а теперь совсем наоборот, вот уж три года в Америке, и, хоть обещал, вернувшись, помогать, одному богу ведомо, соберется ли вообще домой. Это ей, Даше, всю жизнь горбатиться за гроши, избавляя одинокую, стареющую, желчную мать от окончательной нищеты, а у Коли – *призвание*. Он программирует компьютерные игры для самых новых игровых автоматов, где человек, надев

наушники и очки, полностью погружается в дорогостоящую виртуальную реальность, которая, по сути, ничем не лучше Дашиной, совершенно бесплатной. Такая же кровавая и безысходная, с неизменным «game over» после всех перипетий.

«Коленька, мама в последнее время очень болеет, у нее то голова кружится, то в ушах звенит от высокого давления. Врачи рекомендуют капельницы, я бы их могла сама ей делать, но нужен препарат, немецкий, а на него деньги. Ты, может, скажешь папе, чтобы помог, а то я все никак не дозвонюсь, телефон, наверное, изменился...»

С детства приученная гордой матерью ни у кого не одалживаться, и в первую очередь у отца, Даша еле заставила себя написать брату в электронную почту просительные слова. Отец, однако, сразу откликнулся, примчался чуть не в тот же день, денег привез вот прямо сюда, в больницу, и даже спрашивал, как еще облегчить им *существование*.

Жизнью он это, видимо, назвать постеснялся.

– Я вообще не представляю, как вы существуете! Цены растут, у нас с Лидушей не на все хватает, хоть мы, прямо скажем, неплохо устроены, – он заговорщически подмигнул дочке, – а на зарплату медсестры небось совсем не разгуляешься, тем более вдвоем?

Возразить было нечего, но Даша все-таки возразила, вспоминая, как мать до последнего вкалывала на чужих, теряя драгоценное здоровье, пока отец, в дорогуших костюмах и галстуках, с экрана телевизора излагал ей, полумертвой от усталости, суть якобы неразрешимых проблем российского бизнеса:

– Не беспокойся, нам как раз всего хватает, вот только бы лекарство, а так...

– Счастливые вы! Как я иногда скучаю по той нашей, старой, жизни, ты себе даже вообразить не можешь! Как все тогда было просто! – Минут пять еще посетовав на тяготы богатства и оставив на столике две тысячи евро, холеный джентльмен, на вид лет всего тридцати пяти, с часами «Лонжин» на запястье, благополучно вернулся в кондиционированное нутро своего навороченного джипа и поехал обратно в свою новую, очень трудную жизнь, в трехэтажный особняк к хохотушке-фотомodelьке Лидуше, хорошо, если совершеннолетней.

Конечно, права была мама: ни у кого нельзя одалживаться, и в первую очередь у отца, но что поделать, если чертов препарат такой дорогой и так нужен?!

В последней по коридору палате лежали всего четыре женщины. Кто-то в шутку прозвал ее VIP. Но ничем не отличалась она от других: перед утренним обходом во всех палатах висит одна и та же могильная тишина. Вот сейчас профессор Казаков – светило отечественной и даже, может быть, мировой онкологической науки – объявит приговор, суровый более или менее: кого на операционный стол, кого на облучение, кому химиотерапию. Света, Оксана, Инна и Лена шепотом уверяют друг друга, что все одно и то же, разница только в названиях, и бояться – по крайней мере сегодня, сейчас, при обходе, – в сущности, нечего. Почти. И все равно бояться. Подбадривая друг друга еле слышными «прорвемся, девочки» и «я точно знаю, все будет хорошо». Обижаться на неприветливую медсестру, бестактно пышущую завидным, крепким здоровьем, просто нет сил.

Потому что все силы, каждую их крупицу, даже самую последнюю, отнимает чудовищная, неравная, убийственная борьба за жизнь.

Света

1

«Таких сотрудников, как ты, я из своих ресторанов метлой выметаю...» – все-таки обращается мысленно Света к безучастной спине в белом халате. Тоже, впрочем, безучастно. Все теперь дается с трудом, даже недовольство окружающими.

«Ночь, – думает она, – это ночь вынимает из меня душу...»

Страшен утренний обход, но ночь – та еще страшнее. Кругом темно, тихо. Лежишь и невольно спрашиваешь себя, так ли будет под землей. И умирать ужас как не хочется. *Нельзя* ей умирать! Просто никак нельзя.

«Ну должен же он понимать, этот Казаков!..»

Что бы ни случилось, Свете надо остаться живой. Изуродованной, под страхом новых метастаз – неважно, лишь бы продолжать дышать, видеть, слышать... гнать, держать, терпеть... и ненавидеть.

«Ну и что? Кто не умеет ненавидеть, не умеет и любить!» – аргументирует она в свое оправдание, уже зная, что сейчас будет.

«И много ты любила? – насмешливый голос Невидимого, как и ожидалось, тут же нагоняет ее, как «Мазерати» раздолбанную «девятку». – Кого, например?»

Невидимый, пожалуй, еще пострашнее ночи. Он не проходит с восходом солнца. Хотя какое теперь солнце? Зима, сыро, промозгло, и потолок тяжелых облаков всего-навсего на пару метров выше замызанного потолка «Каширки».

VIP...

Ей и правда когда-то хотелось быть VIP.

«Какая ж ты сволочь, господи! Шут гороховый!»

Чуть приподняв опущенные веки, Света незаметно оглядывает своих соседок. Обломки бывшего великолепия. Кожа да кости. Острые носы, обтянутые земистой пергаментной бумагой. Чистый Освенцим. Не то что она сама: в ней и после изнуряющей болезни все еще солидные шестьдесят пять кило.

«Ну, кто хочет посмеяться над моим брюхом? Над задницей? Над ляжками, которые не помещаются в штанины? Давайте, кабысдохи! Что, язык проглотили? Я-то теперь, поди, пошикарней вас выгляжу! Вот, хорошо смеется тот, кто смеется последним!»

«*Напоследок*, ты хочешь сказать? – снова встречается Невидимый. – Ну да, будешь лежать в гробу красивая, настоящая VIP. Поздравляю».

«Бог не допустит, чтоб мой Вовочка опять в сиротки!..»

«И не допустит. Конечно, не допустит. Только ведь он, как ты выражаешься, сволочь, шут гороховый, с чего ж ты взяла, что о Вовочке твоим другим не позаботятся, да еще получше, чем ты? Вот, к примеру, Геннадий – чем не отец? Или Арина Михайловна? Тебя как-то вырастила, вырастит и внука».

«Ну да, никчемный пьяница и жадная старуха! Я, я ему нужна! Мать! – Света под одеялом бьет себя кулаком в правую грудь и едва удерживается, чтобы не закричать от тут же проснувшейся боли. – Ненавижу! Ненавижу!»

«Да, трудный ты случай, Светлана Васильевна, – Невидимый вздыхает, и Свете вдруг становится легче, будто кто-то очень любимый положил ей теплую руку на больное место, – ну ладно, давай еще раз, сначала...»

– Вот, девочки, ешьте, – мать поставила перед подружками на стол тарелку с красивыми бутербродами, с которой Света уже ухитрилась стащить один с икрой и еще один с сервелатом, – и ты, Сашенька, тоже ешь, не стесняйся, а я сейчас вам еще чайку принесу. Только не шумите, а то у парткома заседание.

Партком, заседание и «не шумите» – это Александре было ясно. Непонятно было, откуда на обед в будний день икра и сервелат. Такого просто не могло быть.

– Поздравляю с днем рождения, Арина Михайловна! Желаю вам счастья, здоровья, и большущее спасибо за угощение!

– Ну, что ты, милая, у меня день рождения только в августе, – Арина Михайловна улыбнулась и похлопала по спине дочь, со смеху подавившуюся третьим уже по счету бутербродом. – Не торопись, Светик, никто не гонится.

– Извините, – прошептала, смутившись, Александра, опуская глаза, – я думала...

– Ничего, ничего, ешьте.

Смущенная, вероятно, не меньше гости, Арина Михайловна ретировалась в кухню.

– С чего это ты надумала, будто у нее день рождения? – с полным ртом проямлила Света.

– А платье красивое у нее, – соврала Александра бойко.

– Да, моя мама умеет одеваться! – с гордостью поддакнула Света. – Мой папа говорит, женщина вообще обязана уметь одеваться. Юбочка, блузочка, туфельки, сумочка – все должно быть в стиль и в цвет, иначе она не женщина, а инкубатор для производства будущих брошенок.

Чувством такта подруга, конечно, не обладала. Александра невольно запрятала ноги в поношенных ботах подальше под стул и натянула на простенький свитерок синюю кофту ручной вязки – бабушкин новогодний подарок. Матери своей она не помнила, но, судя по фотографиям, та тоже никаким особым стилем похвастаться не могла, а жизнь свою и впрямь закончила одинокой.

– Чего ты не ешь? Не голодная, что ли? – Света помешкала секунды две и потянулась за очередным бутербродом с лоснящейся черной икрой.

Такие Александра вообще видела всего раз в жизни, в буфете Большого театра, куда отвел ее дядя, чтоб не пропал дефицитный билет: его невеста в тот день слегла с температурой. Видела, но не ела. И теперь вот тоже не судьба. Преодолевая стеснение, она все-таки взяла с тарелки аккуратный ломтик свежего белого хлеба с колбасой. Этот сорт был ей, как ни странно, знаком. Как раз на прошедший Новый год дядя с женой принесли им с бабушкой целый ящик продуктов – заказ, доставшийся старшему научному сотруднику в его научно-исследовательском институте. В основном консервы, не для праздника, но из печени трески дядина жена соорудила вкусный салат, а четвертинку батона сервелата нарезала бабушка на блюдо тонюсенькими ломтиками, чтобы хватило всем гостям.

Арина Михайловна вернулась с чаем, разлила по стаканам с железными, как в поезде, подстаканниками, присела к столу третьей.

– Сделать вам еще бутербродов?

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась Александра, – я уже сыта.

– Я тоже, – Света согласно кивнула, присваивая себе самый последний бутерброд.

Она с рождения не знала ни в чем отказа. Папа – завхоз при московском правительстве. Мама – буфетчица при парткоме. Понятно, что в доме у них не переводились ни дефицитный товар, ни обильные продовольственные пайки.

«Такое уж было время, – говорит себе Света, все же краснея за свое тогдашнее поведение, – откуда я, двенадцатилетняя, должна была знать, как живут все остальные, хоть бы та же Сашка? У меня-то все было сам знаешь как! Что мне давали жрать, то я жрала! Сказали бы мне в детстве, что столько нельзя, я бы и послушалась».

И действительно, обильные, высококалорийные пайки аукнулись ей потом самым неприятным образом. Лет в тринадцать Светлана, Светик, как нежно называли ее родители, без памяти влюбленные в единственную дочь, начала вдруг на глазах поправляться, и если еще в шестом классе она шумно и обидно осмеяла невзрачного одноклассника, избравшего ее королевой костюмированного новогоднего бала, наотрез отказавшись с ним танцевать, то уже через год раздобревшая «Пампушка» сама робко возложила бывшему обожателю на голову хлипкую бумажную корону.

– Спасибо, – сказал тот, возмужавший и необыкновенно похорошевший за лето, и, к великому изумлению Светы, разряженной рукодельницей матерью в дорогие шелка двух благородных цветов, пригласил на танец Александру, кое-как завернутую в знакомые Свете старые кухонные занавески в цветочек.

Александре, впрочем, досталась в конечном итоге не только бесформенная корона – окончив десятый класс и едва дождавшись, пока ей исполнится восемнадцать, верный рыцарь на ней женился и увез с собой учиться в сказочную ГДР. Оттуда Александра года четыре слала школьной подруге красочные открытки с видами полуразрушенных замков и пустынно-просторной Александерплатц.

Света завидовала. Вернее, в ее случае правильнее было бы сказать – не понимала. Не понимала, как это может быть, что какая-то серая мышка, дурочка с тройками в аттестате, могла занять ее место. Сама Света всегда училась прекрасно – в этом смысле калории явно пошли ей впрок. Все дело в лишнем весе, утешала она себя, продолжая – зачастую в слезах – поглощать любимые конфеты «Грильяж». И пока вокруг нее бегали, хохотали, плескались в воде, обнимались и целовались ее приятели, сидела, тщательно задрапированная в складки очередной дорогой ткани, в сторонке, стараясь не шевелиться, чтобы никто ненароком не увидел лишние складки ее – еще более дорогостоящего – жира. Толстые никому не нравятся, над толстыми смеются, к толстым никто не относится всерьез, а значит, перед толстыми, по идее, решительно все виноваты: по достоинству их никто не ценит, только по внешности. Ах, ах, какой ужас! Кто-то не похож на безмозглую фотомодел!

– Это ты виновата! Ты и твои проклятые бутерброды! – крикнула она как-то матери, обнаружив, что жених встречается с другой. – Лучше бы ты ими подавилась!

Одиночество, как зимняя ночь, сгушалось вокруг нее слишком быстро. Во всяком случае, за целых пять лет педагогического института с ней, умницей и отличницей, так и не случилось того, на что, опуская длинные ресницы, за сигаретой, в перерыве намекали гораздо менее талантливые однокурсницы – все эти «тощие вешалки» и «проститутки».

А потом и вовсе грянула перестройка, как кувалда по мейсенскому фарфору, которым была заставлена квартира воротившейся из ГДР Александры. Вернулась она, правда, одна, без мужа. Говорила, не сошлись характерами, слишком, мол, рано поженились, а теперь повзрослели оба, изменились. Плакала. Света, выслушивая ее жалобы со смешанным чувством жалости и удовлетворения, уверена была, что это просто справедливость наконец восторжествовала. В странной, правда, форме, потому что Свете она снова не принесла «давно заслуженного» личного счастья. Да и красный диплом, которым она прикрывалась, как щитом, от тревожных мыслей об истинных причинах своих неудач, оказался решительно никому не нужен. Правительством сменилось, ненавистные соблазнительные пайки иссякли, цены взлетели куда-то за пределы возможного, зарплаты докторов и профессоров превратились в злую шутку, в элитные школы пошли учителями дети других родителей, заранее успевших наворовать себе начальный капитал.

Не то что ее незадачливые кормильцы.

– Сидели на таких богатствах, а нажили один жир! – негодовала на них Света, понимая, что дорога в светлое будущее университетской завкафедрой зашла в тупик. – Что теперь, мне, что ли, вас кормить?

Отец внезапных перемен не вынес, умер, не успев отпраздновать пятидесяти пяти. Мать, однако, не сдалась – взяла денег у знакомого «нового русского», схоронила мужа как положено и на фоне полного беспредела открыла продовольственный магазин.

– Ничего лучше тебе в голову не пришло? – Света уже слышана была о судьбе кое-кого из тех, кому не удалось в срок отдать такие же долги. – Хочешь, чтоб нам носы и уши отрезали?!

Под грамотно построенной «крышей» доморощенный бизнес, однако, скоро расцвел, и в его густой тени Света благополучно пересидела самое трудное время, коротая его в основном за чтением сентиментальных романов с трагически-слезливым финалом.

Счастливые концы ее раздражали, и, если бы не деятельная мама – Арина Михайловна, – все, возможно, так и закончилось бы синими чулками, мексиканскими сериалами и пятком беспородных кошек. Сомнительный кредит давно был отдан с процентами, дело шло. Но прозорливая Железная Леди, как прозвала ее дочь, без тени, впрочем, какого-либо уважения, на достигнутом останавливаться не собиралась.

Свете было двадцать четыре, когда в доме у них появился Геннадий. Он был владельцем очень дорогого и совершенно убыточного ресторана с идиотским названием «Эскорт». Не очень красивый, не очень умный Гена был на восемь лет старше толстой, перезрелой девственницы, вечно чем-нибудь да недовольной. Опытный в делах любви, незнакомых Светлане, он не замечал недостатков ее фигуры.

– Ты такая... сладкая! Ну, просто сдобная булочка, да и все тут! Сил нет, как мне тебя хочется! – признался он однажды, оставшись с ней наедине, пока Арина Михайловна, которую он нежно звал Аришенькой, готовила в недавно заново, по-современному, оборудованной кухне чай и свои знаменитые бутерброды.

– Вы, Геннадий, в своем уме? – холодно осведомилась Света, отнюдь не желавшая себе новых сердечных травм.

– Нет, – ответил горе-бизнесмен, доставая из кармана маленький бархатный футлярчик, – я от тебя давно без ума!

Не за сногшибательно дорогое кольцо, безвкусное, как все, что он приносил в дом, но за эти слова Света простила ему все несоответствия романтическому образу, успевшему сложиться у нее в голове. К любви ее чувство никакого отношения не имело, но брак у них получился если и не самый страстный, то в общем и целом все же счастливый. По большому счету, его не портили ни ковры с ухмыляющимися тиграми, ни тяжелая мебель, ни аляповатая посуда, которые Геннадий считал неременными символами благосостояния, ни тем более Светин лишний вес.

Женушка-красавица
Женушка-умница.
Ненаглядная пышечка.

Он совершенно искренне рассыпался в комплиментах и ласках, но удовольствия с ним она не получала, просто делала все, как он хотел, не высказывая собственных пожеланий и не проявляя инициативы, и старалась не замечать неприятных мелочей, запросто способных убить любое, даже самое сильное, сексуальное желание. Долг, как говорится, платежом красен: Свете, по-прежнему одевавшейся дорого и со вкусом, но не любившей смотреть на себя в зеркало, совестно было и намекнуть мужу на неприятную отрыжку после еды, дурной запах из рта, потные подмышки, на давно вышедшие из моды яркие тренировочные костюмы.

«Ничего, – думала она, – были бы дети, остальное уж как-нибудь».

Детей, однако, все не было. Перед каждым месячными Света ждала приятной новости, даже тесты в аптеке покупала заранее, но, хотя цикл у нее всегда был неровный, длинный, долгожданная вторая полосочка в окошке никак не проявлялась.

– А ты пойдешь в церковь, попроси Святую Деву, она поможет, – посоветовала Александра, ни с того ни с сего вдруг ударившаяся в религию.

– Еще чего! Что же это я, попрошайничать буду? – возмутилась Света, меряя ее презрительным взглядом с головы до ног: манера одеваться у «брошенки» была все та же, убогая. – На паперти пусть нищие стоят!

Как и большинство бывших советских людей, Александра, после развода так и не нашедшая нового партнера, в перестроечные времена не разбогатела, а теперь, после дефолта, потеряв немудрящую работу, и вовсе распродала за гроши свой ценный мейсенский фарфор с деревянного ящика у станции метро «Текстильщики». Очередная бестактность состоятельной подруги едва не ввела ее во грех.

«Как тебя, паразитку, только земля носит?! Чтоб ты... Ой, нет, Господи, не слушай меня, не слушай! Глупость сморозила! Пусть себе живет. Таким, как она, в сто раз трудней, чем мне...»

Может, как раз из жалости добрая Александра и дружила с ней до сих пор, а то кто еще гордичке и злюке без надобности слово скажет?

Света ходила к врачам, сдавала бесконечные анализы, пила отвратительные на вкус минеральные воды – все без толку. Вроде и нет никакой патологии, а ребенок получаться не хочет. Рекомендовали проверить Гену, но Светлана отказалась оскорблять мужа унижительной процедурой. Мало интересуясь окружающими и тем, что они на самом деле думают, Света всех равняла в основном по себе, а потому была совершенно уверена, что Гена сразу же увильнет от супружеских обязанностей, если только будет повод.

– Слушайте, в детском доме сотни сироток только и ждут, когда вы им руку протянете, – сказал как-то лечащий врач, приняв от Светы вместо спасибо очередную порцию попреков, – мы здесь, конечно, не упомянутая вами израильская медицина, способная на чудеса, но в деле своем все же кое-как кумекаем. Хотите быть матерью, хоть героиней, – будьте, возможность есть, а сюда больше не приходите, разве что по другому какому-нибудь поводу!

«Генка виноват, он бесплодный! – С отвращением вспоминая все то, что муж любил регулярно делать с ней в постели, Света легко открестилась от неприятных слов врача. – Несправедливо это! Несправедливо, Господи! Куда ты смотришь?! Трудно тебе, что ли, помочь? Тоже мне, всемогущий называется!»

Так Света впервые в жизни обратилась к Богу. Как, собственно, ко всем, к кому обращалась до сих пор, – со словами упрека.

Похоже, прав Невидимый, с Богом ругаться ой как опасно... Пристраиваясь поудобнее на постели, Света в этот раз старается не потревожить грудь, которой, конечно, не спасет и Казаков. Спас бы жизнь, на том спасибо.

Обещанное Александрой чудо между тем долго себя ждать не заставило.

– У вас будет мальчик, – сказал другой, новый, врач.

«Ну вот, так бы и сразу! Давно пора!» – удовлетворенно подумала Света. И блаженно расслабилась: справедливость снова восторжествовала.

Надо отдать Светлане должное: избалованная и нетерпеливая, она без звука вынесла и жуткий токсикоз, и рвоту, и бессонницу, и боль в ногах, которым теперь приходилось носить не только ее, но и плод.

Вот появится Вовочка...

Давай купим для Вовочки...

Вовочке понадобится то-то и то-то...

Она, как волшебные заклинания, повторяла избранное сыну имя, и физические неудобства, связанные с его совершенно здоровым развитием и ростом, отходили на второй план, забывались и меркли.

– Представляешь, Геночка, у нас будет сын!

В этот, к сожалению совсем короткий, период их совместной жизни щедрый Гена, заранее полюбивший сына не меньше, чем она сама, казался ей очень нежным и очень любимым. Обоим в детской с медвежатами и зайчиками, кровать с голубыми рюшками, пеленальный комод, ванночка для купания, распашонки, ползунки, даже памперсы – все было куплено от души, расставлено и разложено загодя. Мальчику оставалось только появиться на свет, войти в этот мир, полный любви, и быть счастливым.

«Если бы ты не вмешалась, все так и было бы! Зачем? Зачем ты вмешалась? – Света мысленно обращается к матери со всей силой былой ненависти. – Будь они прокляты, твои магазины!»

Мать продолжала строить и расширять их давно уже общий с Геной бизнес, росло число супермаркетов, процветала сеть ресторанов для появившихся в России «белых воротничков». Когда у Светы на две недели раньше срока начались схватки, Арина Михайловна с Геннадием как раз открывали в Питере новый филиал.

– Мама, Гена, что мне делать?! – стонала роженица в телефон. – Что делать?!

– Вызывай «Скорую», – резонно сказала мать, – отопри дверь, сама сядь на диван и жди, а я предупрежу Александру, чтобы встречала тебя в роддоме.

– Хорошо тебе говорить – жди! – завывала Света, корчась от следующей волны дикой боли. – Пока по пробкам «Скорая» доедет!

– Что ты предлагаешь? – Арина Михайловна старалась сохранять хотя бы внешнее спокойствие. – Мы далеко. Звони в «Скорую», садись и жди. Объясни ситуацию, пусть тебя заранее положат в роддом.

– Заранее?! Что значит – заранее?!

– Первые схватки обычно проходят, сегодня ты, скорее всего, не родишь, а завтра мы с Геной приедем, но пусть, пусть они тебя отвезут, на всякий случай.

Света не послушалась.

Улучив момент между схватками, она спустилась на лифте с третьего этажа, остановила частника и, протянув ему пятьдесят долларов (другой наличности в доме не нашлось), сквозь слезы проговорила:

– Будьте добры, в роддом, на улицу Победы.

Сегодня, через одиннадцать лет, она с изумлением думает о своем тогдашнем легкомыслии. Время-то было какое! Девяносто девятый год! Тогда, после дефолта, за пятьдесят зеленых и убить могли...

– Ну садись, – пожилой частник чуть скривил губы в не очень искренней улыбке и повез ее, плохо соображающую, прямиком в Измайловский парк.

– Куда? Куда мы едем? – Дорогу до роддома Света знала хорошо, и непривычные улицы, по которым мчались старые «Жигули», вызывали у нее страх.

– Так ближе, – отозвался водитель уже совсем без всякой улыбки и, остановив машину в пустом и незнакомом месте, приказал: – Выметайся, сучка жирная, снимай кольца, все золотые цапки, да побыстрей!

Понимая, что попала в беду, Света кое-как выбралась наружу. Вытащила серьги из ушей, расстегнула цепочку дорогого кулона на шее, и только обручальное кольцо никак не снималось с отекавшего пальца.

– Я сейчас, сейчас... Вот, возьмите, все возьмите, только отвезите в роддом, я вас умоляю!

– Ничего, сама родишь, – приняв из трясущихся, заледеневших рук добычу, грабитель сел обратно в «Жигули», – девки раньше и в поле рожали!

Со страху у Светы начались самые настоящие родовые схватки. Опустившись на землю, мокрую после недавнего дождя, и почти забыв про боль, она с ужасом почувствовала, как отходят воды.

«Девки... в поле... рожают... да...» – стаскивая с себя нижнее белье, Света пыталась вспомнить, чему учил врач на курсах рожениц, вдыхала, выдыхала, снова вдыхала, тужилась. И кричала. Громко кричала, в надежде, что августовский парк на самом деле не такой пустой, каким кажется.

Ребенок был здоровый, крупный, сильный и за жизнь свою – вместе с теряющей сознание матерью – бился до последнего.

2

В себя она пришла только в больнице. Сознание возвращалось медленно, сначала будто заново погружая ее в сон, где она смотрела вслед быстро удаляющимся «Жигулям», ощущала холод травы, рези внизу живота и – потеряв следующие минуты (а может быть, часы или дни – тут у нее не было никакой уверенности) – горячий язык шоколадного лабрадора у себя на щеке.

– Женщина, что с вами? Вы живы?

Какая-то старушка, не исключено, что хозяйка веселого пса, радостно носившегося кругами, наклонялась над Светой, щупала пульс, то и дело выкрикивая в сторону не собачье имя:

– Мишка, Мишка, ко мне! Мишка!

– Вовочка... – прошептала Света ей прямо в сухонькое ухо, трогая свой увесистый живот. – Вовочка... помогите...

До недогадливой бабушки наконец дошло, в чем дело.

– Ой, милая, а я-то не поняла, думала, ты просто толстая такая! Поди разбери! – охая, она раздобыла из кармана плаща допотопный мобильный. – «Скорая»? «Скорая», тут женщина рожает, прямо в парке. Каком? В Измайловском, где ж еще? Я тут живу рядом... Ну да, да нет! С другой стороны! Что ты такая непонятливая? Нет, не там, где пруд!

«Чертова бабка!» – с опозданием обругала ее Света.

И пришла в себя.

– Господи, горе-то какое!

«Мама...»

Сколько же прошло времени? Получается, чуть не сутки...

«Вовочка...»

Света открыла глаза и тут же снова зажмурилась от яркого света.

– Арина Михайловна, смотрите, Светик проснулась!

– Вовочка... Вовочка где? – Говорить было трудно, даже очень, поэтому Света расстроилась, что ни мама, ни Александра не услышали самого важного вопроса, занятые минутной радостью ее пробуждения.

– Гена, – заорала мать как оглашенная, – Геночка, сюда! Светик проснулась!

«Что я им, спящая красавица?! Чего она так развопилась?»

– Вовочка! – повторила она настойчивее, разыскивая и не находя глазами молчащую Александру. – Вовочка где?

– Ага, вижу, наша роженица проснулась. Ну, вот и славно. А теперь, будьте так любезны, выйдите все отсюда.

На голос, незнакомый и все же странно знакомый, Света повернула тяжелую голову – и обомлела. Прямо над ней, в белом халате, с маленьким кулечком на руках, издающим непонятные, хрипящие звуки, стоял Юра, бывший Сашкин муж.

Вместе с ним в жизнь молодой матери вошло страшное слово «асфиксия».

– Что это? – спросила она и потянулась к недвижному кулечку, продолжавшему нехорошо хрипеть. – Дай мне его, Юра, это ведь мой сын, да?

– Подожди, – Юра отошел на шаг, – сначала выслушай, что я тебе должен сказать.

– Дай мне моего сына! Немедленно!

– Ну, как знаешь, – кулек перекочевал ей на грудь, – держи, не урони.

Малыш показался ей настоящим ангелом. Глазки, носик, ротик – все такое миниатюрное, милое, теплое.

– Вовочка, милый мой, мальчик... – умиленная, она гладила его по головке, поцеловала в лобик. Лобик был горячий. – Юр, а почему он такой горячий? И не шевелится совсем? Это нормально?

Собираясь с духом, Юра присел на край ее кровати.

– Он задохнулся, Света. Твой сын при родах задохнулся. Запутался в пуповине, застрял в родовых путях и, пока тебя искали...

– Что за бред? Шутишь? Да ведь он дышит... дышит же...

– Дышит, – подтвердил Юра тихо, и по выражению его лица Света поняла, что он, увы, не пошутил, – но это, собственно, и все.

– Все? Что значит – все? Это мой сын, мой Вовочка, он жив – это главное! – Она просто не в состоянии была поверить в то, что происходит. – У нас с мужем достаточно денег, мы его вылечим, поедem в Израиль, в Америку, куда надо...

– Света, – остановил ее Юра, дотрагиваясь до ее бледной руки своей, горячей и уверенной, – я учился и работал и в Израиле, и в Германии, можешь мне поверить, в мире нет ни таких врачей, ни таких лекарств.

– Так что же мне делать? Выбросить его, что ли, на помойку?! Он живой же! Ну, пусть больной, пусть инвалид, но ведь живой! – Злость и обида кипели в ней, как вода в чайнике. – Чем молоть всякую чушь, лучше бы температурой его занялся! Врач называется!

Юра вдруг посмотрел на нее так, как тогда, на новогоднем балу в шестом классе, когда она при всех отказалась выйти с ним вместе на танцплощадку.

– У мальчика двусторонняя пневмония, – сказал он жестко, – откашливаться он не может, в легких уже полно жидкости, он опять задыхается. Только поэтому, кстати, я здесь. Как специалист. Меня Саша вызвала. Хотя... может быть, лучше бы она этого и не делала.

Света снова взглянула на Вовочку. Маленькое симпатичное личико оставалось абсолютно неподвижным.

– Для кого лучше?

– Для всех, – Юра вздохнул, – ладно, давай его мне, пора.

– Нет, нет, не надо! – Прижав Вовочку к себе, Света попыталась загородить его от Юры, разрыдалась. – Мама! Гена! Помогите!

Первым в палату ворвался Геннадий, кинулся к обливающейся слезами жене.

– Что, что такое? Что?

– Он, – всхлипывала Света, кивая на Юру, – он... хочет убить Вовочку! Нашего мальчика... убить!

– Да нет, Светик, нет, – вмешалась Арина Михайловна, обнимая дочь, – что ты! Он помочь хочет! Из Питера с нами приехал!.. Юрочка, не слушайте... Саша, скажи ей!

– Да, скажи ей, Саша, что если она не отдаст мне ребенка прямо сейчас, часа через два сможет оплакать его по-настоящему, – проговорил Юра вполне спокойно, – всего два часа. Ее выбор.

Мать смущенно молчала. Гена застыл. Всего два часа – и страшная ошибка (не ее – их!) если не исправлена, то стерта. И можно жить дальше, как будто ничего этого не было... Света могла бы поклясться, что именно в ту минуту впервые почувствовала такую теперь привычную боль в правой груди. Боль кольнула один раз, потом другой, тягуче заныла в подмышке. И прошла. На время уступив место другой, той, что в душе.

– Спаси его, Юра, пожалуйста! – Протягивая ему свое несчастливое сокровище, Света уже знала, что Юра – его единственный шанс.

Молока у нее было много, густого, жирного – только пей и расти, но Вовочка и выздоровев не пил. Не мог. Не мог держать голову. Не мог двигаться. Не теряя последней, горькой надежды на чудо, Света страдала, ища в бесчувственном теле своего мальчика проблески жизни, и, не находя, повторяла:

– Зачем вы меня оставили одну на сносях? Зачем? Зачем?

Очень мучил мастит. Долго и трудно заживал шов на животе. От таскания тяжелеющего, всегда расслабленного ребенка постоянно болела спина. Свете было все равно. Она видела, конечно, что Геннадий, растерянный, постаревший, заброшенный ею, как отслужившая вещь, начал пить. Понимала, что семейный бизнес рушится, потому что пожилая мать в одиночку уже не справляется со своей продуктовой империей. Можно было бы сказать мужу пару добрых слов, приласкать его, как он любит. Попросить его помочь матери с делами. Можно было бы даже, сняв у них лишний камень с души, нанять няню для мальчика и самой пройти обследование, как настоятельно советовал Юра, регулярно навещавший Вовочку, склонного к заболеваниям легких. Сегодня Света многое отдала бы за то, чтобы вовремя последовать Юриному совету. Однако тогда постигшая ее родных кара казалась ей вполне справедливой: для чего они хотели избавиться от Вовочки? Пусть теперь переживают вдвойне. И Света не шла к врачу, а снова и снова, день за днем смотрела в пустые, будто стеклянные глаза младенца, пела ему колыбельные, одевала в забавные ползунки, мало ела, плохо спала.

И каждый день, не отдавая себе в этом отчета, подспудно ждала Юру.

Прожив почти три десятка лет, она так и не узнала, что значит желать мужчину. Не как трофей, доказательство собственной ценности, а всем телом, до жаркой боли в животе. Сексуальное желание представлялось ей исключительно мужской привилегией, и когда подружки с упоением описывали свои любовные игры, про себя называла их выдумщицами и лгунями. Сомневаться в своей правоте она начала только теперь, когда от каждого Юрино прикосновения, самого невинного и случайного, внутри всякий раз будто прокатывалось цунами.

Арина Михайловна на участившиеся визиты молодого врача смотрела скептически.

– Зачем, Светик, он без конца к нам ходит? Вовочка-то вроде в последнее время не болеет совсем... Для чего ему лейб-медик? Только деньги даром переводить.

– Ну конечно, чего на убогого тратить! Пусть бы помер поскорее! Так? – злилась Света.

– А хоть бы и так, – мать, как ни странно, даже не возразила, – ты к нему прилепилась, как к кукле, совсем с ума сошла, ничего не замечаешь, мне не поможешь и Генку вон до алкоголизма довела глупостями своими, да и жрать нам скоро тоже нечего будет!

– Тебе бы только жрать! Жрать, жрать, жрать без конца! Да если бы не твои эти рестораны-магазины, был бы у меня здоровый сын! Кто меня на сносях одну оставил? А? Его болезнь – твоя вина! Твоя и Генкина. Жадные вы больно до прибылей! Юрка, между прочим, да будет тебе известно, за свои визиты ни копейки не взял!

– Еще лучше! – ничуть не обрадовалась Арина Михайловна. – Ну, что ты у меня за дура? Права Саша, ничего не соображаешь!

– Ах, это Сашка тебя против своего бывшего настраивает! Ну, понятно! Упустила мужика, теперь кобенится! Вот пусть она тебе и помогает, тунеядка эта безработная, постоянно в доме толчется! Только Юрку она во второй раз от меня не получит, пусть не надеется!

– Ну, что ты, девочка, – мать аж побледнела, – ты же замужем! Зачем же с Геной-то так?

– Плевала я на Гену, – честно призналась Света, испытывая новый прилив ненависти и к нему, и к матери, и к Александре, – ты мне его подсунула, сама с ним и разбирайся. У меня на эту жизнь другие планы!

И в самом деле, недели не прошло, как они с Юрой стали любовниками. Она однажды, прощаясь, поцеловала его в гладко выбритую щеку. Он взял ее за руку, отвел в их с Геной спальню и сде-

лал все так, как ей было надо. Потом они встречались в других местах. Прошли осень, зима, наступил май. Света теперь с нетерпением ждала одиннадцати часов утра, чтобы положить в коляску молчаливого Вовочку, дойти с ним до зазеленевшего парка и на лавочке дожидаться Юры. Он приходил к двенадцати и оставался с ними до трех. Сначала всегда осмат-

ривал ребенка, слушал, проверял почти отсутствующие рефлексy, делал пометки в записной книжке. Потом наступало время Светы. Они шли в небольшую квартирку, которую Юра снял рядом с парком. Никаких признаний он Свете не делал, ничего не обещал, планов на будущее не касался, но любил так, что она, даже продолжая страдать за бессмысленно кряхтящего мальчика, чувствовала себя счастливой.

Она влюбилась. И хотя поделиться неожиданным-негаданным счастьем ей было не с кем, менее драгоценным оно от этого не становилось. Гена, мама, Александра... Живя с ними рядом, Света даже близко не представляла себе, как у них на самом деле дела. Гена продолжал запойно пить. Мать надрывалась, зарабатывая деньги. Александра стала ей помогать и даже, кажется, вошла в долю.

«Интересно, с какими средствами?» – язвила Света, не уточняя.

Все это не имело значения. Важен был Юра, один он.

3

Беда подкралась, как всегда, незаметно. Света помнит абсолютно точно: это был понедельник, 14 августа. Назавтра Вовочке исполнялся год.

– Ну, вот и все, моя миссия окончена, – сказал Юра, улыбаясь, и положил мальчика обратно в коляску.

– Какая миссия? – удивилась Света, начиная расстегивать пуговицы на блузке.

– Научная, – непонятно пояснил Юра и снова улыбнулся. – Ах да, ты не раздевайся, нам надо кой-куда съездить.

– Нам? – Света робко обрадовалась, потому что до этого они с Юрой никуда вдвоем не ездили. – А куда?

Ей, впрочем, было не важно куда, лишь бы с ним.

– Увидишь. – Немного недовольным жестом Юра оборвал ее расспросы. – Собирай ребенка, у нас мало времени.

Спустились вниз, погрузили коляску в Юрин «Мерседес», поехали. Добираться пришлось довольно долго, стояли в пробках, но оба всю дорогу молчали. Света потому, что не хотела портить себе предполагаемый приятный сюрприз, Юра, вероятно, от неловкости.

Наконец прибыли. Поднялись на лифте сталинского дома на шестой этаж, позвонили. Открыла им женщина неопределенного возраста, в бесформенном синем сарафане.

– Здравствуйте, доктор! А мы вас сегодня не ждали...

– Я ненадолго. – Юра почти по-хозяйски вошел в неопрятную квартиру, затягивая за собой Свету с неподвижно-тяжелым Вовочкой на руках. – Говорил тебе, оставь его в машине. Запахи перегорелого подсолнечного масла и затхлости ударили в нос.

– Проходите, не разувайтесь, – засуетилась хозяйка, – не убирала я, сил что-то не хватает...

– Ничего, не страшно, – Юра и не думал разуваться, – как там наш пациент?

– Алешенька? Да так же, без изменений... – она открыла дверь в комнату, и Света увидела в инвалидном кресле того, кого бледная женщина нежно называла Алешенькой.

Мальчика, нет, скорее мужчину лет двадцати. Большая голова свисала набок, слюни текли по щетинистому подбородку, искривленные руки, сведенные судорогой, напоминали клешни... Не сразу обратив внимание на вошедших, он издал какой-то короткий звук, похожий на мычание, и снова впал в протрацию. Юра подошел ближе, взял его за запястье.

– Пульс учащенный. Он вас узнает, это хорошо.

Женщина на радостную, казалось бы, новость не отреагировала никак.

– Вот и все на сегодня, – Юра и ей улыбнулся так же, как за час до того Свете. – До пятницы, Полина Александровна.

Только на лестничной клетке Света сумела заставить себя задать рвавшийся наружу вопрос:

– Юрочка, а для чего мы сюда приезжали?

– Не понимаешь? – В голосе любимого мужчины зазвучала то ли насмешка, то ли жалость.

– Нет. – Почему-то Свете захотелось покрепче прижать к себе своего малыша.

– Ну, хорошо, давай прямым текстом. – Юра взял ее за подбородок, заставив смотреть ему прямо в глаза, которые приобрели вдруг холодный стальной оттенок. – Тот кусок биомассы в каталке – будущее вот этого.

Свободной рукой он ткнул Вовочке в спинку, так что мальчик проснулся и закричал.

– Биомассы? Кусок? – Света попыталась высвободиться из незнакомо цепких пальцев. – Вовочка... А тогда зачем ты...

– Зачем я трачу на него свое драгоценное время? Это ты хочешь спросить? – Юра теперь разговаривал и с ней, как с куском бессмысленной биомассы. – Диссертацию пишу, вернее, написал, статистики только не хватало. Раз уж ты все равно решила за его счет себя тешить до победного конца, пусть бедняга хоть науке послужит. В конце концов, есть же дети, пострадавшие, как и он, но не безнадежные. Ради них стараюсь. И ради таких, как ты. Полину видала? Годков через пять будешь такая же – полубезумная, нищая и одна.

– А спал... спал ты со мной для чего? Тоже для статистики?

У Светы даже не было сил ненавидеть, ругаться, кричать. Мир, только утром казавшийся почти светлым и притягательно надежным, дал трещину и утекал в нее, как вода в разлом скалы.

– Ну, это старая история... – Юра все же опустил глаза и прикусил губу. – Знаешь, почему Саша от меня ушла?

– Я думала, это ты ее бросил...

Юра усмехнулся, прислоняясь спиной к стене.

– Нет, она меня. Сказала, что ей обидно быть вторым сортом.

– И кто же первый? – не то чтобы Свете действительно было интересно, подробности чужой личной жизни ее и в более счастливые моменты не занимали, но надо было говорить хоть что-то.

Юра шумно выпустил воздух.

– Ты, Прокофьева! Ты, курица слепая! Я из-за тебя с Сашкой связался. Ты меня обидела, вот мне, дураку гордому, и захотелось, чтоб ты к подруге поревновала немного, а ты!.. Ничего не видишь, не понимаешь, не замечаешь! Любишь свое горе, как конфеты! Ты хоть за что-нибудь когда-нибудь в этой жизни боролась? Толстая – и ладно, другие виноваты. С мужем в постели все не так – его вина. С ребенком несчастье – и то хлеб, за его кривой спиной разве жизнь тебя достанет? Ты о нем-то хоть минуту подумала? Вдруг он на каком-нибудь таком уровне, который современной медицине неведом, знает, что с ним? Знает, что заперт навсегда в этом своем гробу из плоти и крови? Ты из-за одного своего лишнего веса вон как страдаешь, а каково Вовочке твоему? Не думала? Конечно, нет! Когда ты о других думала, Светик-Семицветик?

На обратном пути они снова молчали. Юра довез их до дома, помог разложить коляску, поздоровался с подвыпившим Геннадием, как раз вернувшимся из магазина с новой бутылкой водки.

– Ну, Свет, пока. Надеюсь, у тебя все наладится, – сказал Юра, садясь в машину, – ах да, сходи все-таки к врачу, грудь проверь, это я тебе чисто по-дружески рекомендую.

И уехал. Оставив Свету с Вовочкой и Геннадия стоять на тротуаре перед подъездом.

– Ну надо же, какая скотина! – Света жалобно посмотрела на небритого мужа и горько расплакалась.

Через неделю у Вовочки опять была пневмония.

– Звонить Юрию? – спросил Гена, за все семь дней не выпивший ни капли и не сказавший жене ни слова.

– Нет, не надо, – наклоняясь над колыбелькой, Света, прощаясь, ласкала взглядом любимые, но безжизненные черты младенческого лица, – не надо, я не хочу...

4

Профессор Казаков, как Юра когда-то, садится на край Светиной кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.